

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Факультет гуманитарных наук

Школа филологии

На правах рукописи

Анастасия Андреевна Тулякова

«КРУГ ЧТЕНИЯ» Л.Н. ТОЛСТОГО:
ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Г.В. Зыкова

Москва, 2019

Поздний период творчества Л.Н. Толстого характеризуется многообразием жанровых форм. Помимо религиозно-философских трактатов, сборников мудрых мыслей и публицистики Толстой открывает для себя форму, которая на фоне фикционального и нон-фикционального наследия писателя кажется уникальной.

Календарь как собрание мудрых мыслей¹, наполняющих каждый день года, занимает особое место в творчестве Толстого с середины 1880-х годов, когда писатель впервые решает составить «Круг чтения». Реализация замысла оказалась непростой и растянулась на 25 лет – вплоть до кончины Толстой совершенствовал свой календарь, первая версия которого вышла отдельным изданием в 1903 году под заглавием «Мысли мудрых людей на каждый день». Не оставляя попытки наполнить календарь всё новыми изречениями, автор свода вернулся к нему в 1906 году, параллельно завершая работу над другим календарем – «Кругом чтения». Однако и это собрание мудрых мыслей не удовлетворило писателя, поэтому его редакция растянулась на два года: выхода из печати финальной версии Толстой уже не застал. В последние годы жизни он также работал над сборниками изречений «На каждый день» (1906-1910) и «Путь жизни» (1910). И хотя все календари Толстого стоит рассматривать как главы единого текста, создававшегося на протяжении четверти века, наиболее полным и потому наиболее значимым из них нам представляется «Круг чтения», превосходящий все остальные тексты этого жанра гетерогенностью содержания и формы.

«Круг чтения» (1906, 1908) представляет собой дидактическое собрание афоризмов и рассказов на каждый день, расположенных по календарному принципу. Текст разбит на двенадцать месяцев, каждый день месяца состоит из тематически однородных изречений, принадлежащих великим мыслителям прошлого и современности. Каждая неделя года отделена от другой «недельными чтениями» – рассказами и выдержками из публицистических и религиозно-философских работ тех писателей и философов, с которыми Толстой был солидарен в вопросах этики.

«Круг чтения» – единственный из всех сборников календарного типа, сочетающий в себе мудрые мысли и произведения, представленные в виде целостных и фрагментарных текстов. И если формальная оригинальность этого свода очевидна, то его генезис и лежащие в его основе структурные принципы сложны для истолкования. Сложность изучения «Круга чтения» заключается в его синтетической природе: будучи единым текстом, он разнороден во многих аспектах – генетическом, жанровом, содержательном и даже

¹ Уточним, что сам Толстой многократно в дневниках и письмах определял «Круг чтения» как календарь: «Составлял новый календарь» (55; 5), «Составляю дня четыре новый календарь» (55; 74) и т.п. В комментариях к дневнику 1904 года «Круг чтения» назван также сборником изречений.

мировоззренческом. Поэтому существующие немногочисленные трактовки «Круга чтения» как текста, диалектичность которого нивелируется инкорпорированным в него аксиологическим учением Толстого и других мыслителей, представляются нам спорными и требующими дополнительных разысканий.

Генезис «Круга чтения» как целостного текста и специфика его гетерогенной природы не становились предметом отдельного исследования. Невьясненными остаются и принципы организации текста, определяющие его уникальность: компилятивная форма «Круга чтения», вмещающего в себя афоризмы, художественные и публицистические тексты одновременно, для своего времени считалась беспрецедентной, несмотря на ее очевидное сходство с календарями-предшественниками. Место «Круга чтения» в позднем творчестве Толстого также не до конца определено исследователями: рассмотрение свода афоризмов и рассказов в одном ряду с итоговыми текстами писателя само по себе еще не объясняет его значимости в последнее десятилетие жизни автора. Таким образом, существенные и до сих пор не восполненные лакуны в изучении «Круга чтения» препятствуют его комплексному пониманию как ключевого текста Толстого 1900-х годов, текста, обусловившего основные направления творчества писателя этого времени. В этой связи необходимость системного изучения «Круга чтения», его многоаспектного анализа, представляется особенно **актуальной**.

Новизна исследования обусловлена слабой изученностью «Круга чтения» как синтетического текста. До сих пор не выявленными остаются принципы, по которым Толстой помещал в календарь произведения разных жанров, а также критерии, которыми он руководствовался при отборе текстов для «Круга чтения». Если афоризмы, вошедшие в свод, неоднократно становились предметом отдельных исследований, то корпус «недельных чтений» еще не рассматривался в связи с общей поэтикой свода и жизнепониманием Толстого в целом. В работе мы покажем, каким образом «Круг чтения» разрешал философские и этические противоречия, наметившиеся еще в раннем творчестве писателя; выявим механизмы, обусловившие форму и содержание сборника изречений; наконец, уточним роль «Круга чтения» на фоне других дидактических произведений автора.

Объектом настоящего исследования является второе издание *КЧ*, напечатанное в Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого: В 90 тт. (1928-1964), комплекс художественных и религиозно-философских текстов писателя, проясняющих основные идеи «Круга чтения» и суммирующих основные положения философии писателя, дневники и письма Толстого, в которых прослеживаются особенности его мирозерцания. Целесообразно в качестве объекта исследования упомянуть и русские литературные

календари второй половины XIX века, сопоставление с которыми составляет раздел первой главы работы, а также художественные и публицистические произведения других авторов, необходимые для анализа «недельных чтений».

Предмет исследования – жанровый и биографический генезис «Круга чтения», помогающий осмыслить темпоральность свода мудрых мыслей как проблему, принципы внешней и внутренней структуры «Круга чтения», литературно-философский контекст календаря, рассматриваемый через категории сознательного и бессознательного в позднем творчестве Толстого, а также поэтика фикциональных «недельных чтений».

Цели исследования – определить роль «Круга чтения» в творчестве Толстого позднего периода и выявить принципы его структурной организации на основании анализа корпуса «недельных чтений».

Для реализации целей необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть «Круг чтения» в контексте календарной традиции второй половины XIX века;
- 2) проанализировать проблему темпоральности в творчестве Толстого и пути ее решения в «Круге чтения»;
- 3) сформулировать принципы внешней и внутренней организации «Круга чтения»;
- 4) выявить сюжетные и идейные аспекты *КЧ*, позволяющие рассмотреть сложное соотношение категорий субъективного и объективного, сознательного и бессознательного, рационального и морального и др. в философии писателя;
- 5) раскрыть особенности поэтики фикциональных «недельных чтений», наиболее ярко раскрывающих жизнепонимание Толстого этого периода и демонстрирующих принципы отбора писателем текстов для «Круга чтения».

Методологическую базу исследования составляют методы, направленные на многоаспектное изучение «Круга чтения» как текста, сочетающего в себе элементы фикционального и нефикционального текста. В первой главе диссертации для анализа календарных источников мы используем историко-генетический (генезис «Круга чтения» как календарной формы и пути ее трансформации, обусловленные задачами Толстого), типологический (анализ типовых календарей того времени и их преломление в «Круге чтения») и жанровый методы (исследование жанровых особенностей «Круга чтения», их эволюции и функционирования в разных контекстах). Во второй главе мы опираемся на структурный и биографический методы, выявляем принципы организации «Круга чтения», которые восходят к системе взглядов писателя, а также рассматриваем влияние некоторых фактов биографии Толстого (работа над «Соединением и переводом четырех Евангелий» и религиозно-философскими трактатами) на создание свода мудрых мыслей. Третья глава

содержит в себе мотивный анализ «недельных чтений», а также включает в себя элементы нарратологического анализа, необходимые для выявления повествовательных механизмов в «Круге чтения» (инструменты сцепления «недельных чтений»).

Положения, выносимые на защиту:

1) Ориентируясь преимущественно на русскую календарную традицию, Толстой в «Круге чтения» трансформирует ее. Общим для календарей и «Круга чтения» будет компиляция текстов разных жанров, однако функция этой полижанровости различна. Если в обычном календаре обилие жанров отражает установку издателя охватить как можно больше областей современной жизни и информировать читателя о каждой из них, то «Круг чтения» реализует замысел Толстого, согласно которому говорить об истине можно разными способами – как малыми текстами (афоризмами), так и более крупными (выдержками из трактатов и «недельными чтениями»). Форма может различаться, однако содержание остается сходным. Полижанровость является еще одним проявлением идеи «единения», которую преследовал Толстой, составляя «Круг чтения».

2) Календарь предлагал читателю ориентиры, на которые следует опираться при планировании своей жизни. Информация, содержащаяся в календаре, была необходима человеку в его повседневной жизни. Календарь фиксировал прикладное знание, которое было необязательным и в связи с этим быстро забывалось. Подобным образом и «Круг чтения» служит читателю напоминанием о другой стороне жизни - этической, о которой человек мог в суете дней забыть так же, как он забывает о нюансах повседневности. В этом контексте материальная и духовная жизнь оказываются тесно связанными - духовное содержание жизни, по Толстому, должно проявляться через ее материальную сторону. Материальная действительность без духовного наполнения обесценивается.

3) Календарь в той форме, в какой его создал Толстой, основан на принципе повторяемости, в свою очередь повторяемость или цикличность календаря коррелирует с постоянством духовной жизни, то есть вечным движением к истине. «Круг чтения» как сборник календарного типа предполагает чтение одного и того же из года в год, а значит, вместе со временем неизменной остается и духовная жизнь, значимость которой важно не просто осознать, но осознав, сохранить на протяжении долго времени. Притчи как разновидность «недельных чтений», с одной стороны, не привязаны ко времени, а с другой – универсально дидактичны в той степени, в какой это необходимо для замысла Толстого. Эта жанровая специфика притч и стала главной причиной обращения к ним Толстого в «Круге чтения».

4) Мы предлагаем рассматривать «Круг чтения» с точки зрения трех принципов, которые, с одной стороны, проясняют идеологическую природу «Круга чтения», а с другой – указывают на причины, по которым писатель избрал календарную форму для репрезентации своих взглядов в позднем периоде творчества. Эти три принципа мы соотносим с теми областями (культурная, биографическая, социальная), которые в равной степени могли повлиять на появление толстовских календарей.

5) Принцип чтения «по кругу», заявленный уже в заглавии свода афоризмов, восходит к более ранним замыслам Толстого – «Азбуке» (1872), «Новой азбуке» (1874-1875), «Книгам для чтения» в четырех частях (1875, 1885) и «Соединению и переводу четырех евангелий» (1882). В связи с этим особую важность приобретает факт осознанного чтения, когда читатель внимает лишь тем истинам, которые ему понятны и которые не продиктованы субъективным видением автора. Толстой подбирает некоторые «недельные чтения», руководствуясь их потенциальной «дублетностью». Рассказы содержат дублетные сюжеты, представляющие альтернативные сценарии решения одной и той же «этической ситуации» и позволяющие будущему читателю сделать выбор в пользу той или иной стратегии поведения. Подобная альтернатива может рассматриваться как попытка Толстого отказаться от собственного «я», что является установкой писателя с начала 1880-х годов.

6) Структурное сходство «Круга чтения» с «Соединением и переводом четырех евангелий» проясняет, как устроены «недельные чтения», принадлежащие авторству самого Толстого, – можно сказать, что сюжет каждого из них частным образом реализует идею, заложенную во всем своде.

7) Корпус «недельных чтений» в «Круге чтения» стоит рассматривать как общую попытку Толстого преодолеть противоречия, наметившиеся еще в его раннем творчестве. В частности, писатель путем подбора многочисленных «недельных чтений» и их синхронизации с этической концепцией свода уравнивает категории «сознательного» и «бессознательного», показывая их взаимовлияние.

8) Период работы Толстого над «Кругом чтения» совпал с его поиском новой нарративной формы, которая позволяла бы сделать сюжетность и дидактичность равноценными элементами текста. Работая над сводом мудрых мыслей, Толстой, как мы полагаем, осознал невозможность создания такой формы, вследствие чего тексты, начатые в это время, остались незаконченными («Фальшивый купон», «Что я видел во сне», «Посмертные записки старца Федора Кузмича» и др.), поскольку представляли собой эксперимент, который писатель не успел довести до конца. Суть этой модели, к которой Толстой активно обращался в 1903-1905 гг., заключалась в превосходстве дидактического элемента над художественным, когда развитие сюжета устремлено к нравоучительному

финалу. В «недельных чтениях» Толстой пытается редуцировать дидактический элемент в прозе, в том числе путем редактуры чужих текстов, однако достичь обозначенного баланса в рассказах собственного сочинения, также помещенных в свод, ему не удается. Стадии выше обозначенного поиска и отражает «Круг чтения» и в конечном итоге объясняет феномен незавершенности художественных произведений Толстого 1900-х годов.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней мы впервые предлагаем концептуальное объяснение феномена календарного текста в творчестве Л.Н. Толстого на примере «Круга чтения», соотнося его с биографией, жизнепониманием и творчеством писателя. Кроме того, проведенный фронтальный анализ «недельных чтений» позволил осмыслить одно из существенных противоречий философии Толстого – соотношение категорий «сознательного» и «бессознательного», определяющих его этическую систему взглядов. Наконец, настоящее исследование обнаружило некоторые тенденции в творчестве Толстого позднего периода; в свою очередь именно они, как мы полагаем, объясняют специфику художественных произведений писателя 1900-х годов.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использовать изложенные в нем наблюдения и результаты в образовательном процессе – лекциях, семинарах и учебно-методических пособиях по истории русской литературы и культуры. Анализ календарной традиции, современной Толстому, позволяет углубить знания о культуре повседневной жизни человека второй половины XIX века, в свою очередь систематизация этических и религиозных взглядов писателя позднего периода может быть полезна в контексте изучения философии и этики как самостоятельных дисциплин.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения. Во введении автор работы обозначает ее актуальность, новизну, теоретическую и практическую значимость, а также выявляет объект и предмет исследования, его цели и задачи. Каждая из глав включает в себя три раздела, первые два из которых содержат наблюдения над спецификой формы и структуры «Круга чтения», а третья демонстрирует применение обнаруженных принципов на корпусе «недельных чтений». Первая глава посвящена генезису «Круга чтения» и проблеме его темпоральности, в качестве практического материала выступают притчи как один из частотных жанров «недельных чтений». Во второй главе мы выявляем общие структурные принципы «Круга чтения», лежащие в основе как целого текста, так и отдельных его частей – рассказов, написанных самим Толстым. Объектом анализа третьей главы становятся «недельные чтения» других авторов, которые мы рассматриваем с точки зрения функционирования в них категорий

«сознательного и бессознательного». В заключении представлены результаты исследования и выводы, спроецированные на творчество Толстого 1900-х гг.

Основное содержание работы

Первая глава диссертации посвящена вопросу о жанровых источниках «Круга чтения», который в исследовательской литературе рассматривался, как правило, в контексте древнерусской и афористической традиции. Если влияние древнерусской книжности на творчество Л. Толстого общепризнанно, то интерес писателя к сборникам афоризмов до Н.А. Карлик не становился предметом отдельной работы. Исследовательница в монографии «Афористика Л.Н. Толстого: сборник мудрых мыслей “Круг чтения”» показывает, что популярность афористических изданий в конце XIX века во многом обусловлена историческим и культурным контекстом: жанр, в котором автор емко формулировал идеи, востребованные в период рубежа веков, стал одним из наиболее влиятельных средств действенной пропаганды. Однако «Круг чтения» до сих пор не рассматривался в связи с жанрово близкими ему литературными предшественниками – печатными календарями, популярность которых к концу века была огромной.

Календарь второй половины XIX века как наиболее массовое издание для всех социальных слоев мог быть интересен Толстому именно с этой точки зрения. Разнообразные сведения прикладного характера, содержащиеся в календаре, тематическая наполняемость календаря в зависимости от его вида, доступность и дешевизна – всё это делало календарь наряду с Библией настольной книгой любого человека. Наблюдая стремительную релятивизацию этических норм в конце XIX века и при этом испытывая трудности с публикацией религиозно-философских трактатов в России, Толстой, как мы полагаем, решил воспользоваться формой, которая могла не только с меньшими потерями преодолеть цензуру, но и иметь широкое распространение в народе; тем самым открывалась возможность акцентировать внимание на тех истинах, о которых, по мнению писателя, стоит помнить в общественно-исторических условиях того времени. Календарная форма «Круга чтения» решала и другую проблему, тревожившую Толстого с юности. Речь идет о репрезентации времени и механизмах, позволяющих его зафиксировать. Все это требовало от писателя поиска нового жанра, каким и стал календарь.

Интерес Толстого к календарям не был спорадическим. Об этом свидетельствуют сохранные подборки календарей в личной библиотеке писателя, его отдельные высказывания о них в дневниках и чтение авторов, имевших отношение к народным

календарям, – Б. Ауэрбаха и В. Рила. Обращение Толстого к календарю и как к источнику знаний о народе, и как к жанровой форме, и как к необходимой в быту книге показывает, что календарь был важной частью не только обиходной, но и творческой жизни автора «Круга чтения».

Наиболее распространенными в конце XIX века были универсальные и тематические календари. Толстой, находясь в поиске удобной для него календарной формы, уже в первом подступе к своему замыслу – «Календаре с пословицами на 1887 год» (1886) – пытается преодолеть стандартную наполняемость обоих типов календаря, содержащего массу практических сведений первой необходимости. В своем первом издании такого типа Толстой поместил четыре раздела: собственно календарь со святцами, раздел с пословицами, хозяйственные советы, которые завершают каждый месяц, и статью о том, что видно на небе. Учитывая, что в «Календаре с пословицами» писатель большое внимание уделил именно пословицам, а разделы с советами и астрономическими сведениями значительно трансформировал (информация, представленная в этих главах, рознилась по форме с той, что содержалась в обычных календарях), можно сказать, что этот календарь относится к типу календарей со спецификацией. Восприняв календарь как неудачу, Толстой не теряет надежды создать другой календарь, который в относительно завершенном виде выходит в 1903 году под заглавием «Мысли мудрых людей на каждый день». Однако и на этом писатель не остановился – наполняемость последнего издания не показалась Толстому исчерпывающей, вследствие чего он начал «расширять» его, что и привело к появлению «Круга чтения».

Свод афоризмов и рассказов на каждый день все же сохранил в себе реликтовые элементы стандартных типов календаря. Во-первых, как и в некоторых календарях того времени, Толстой пишет **предисловие** к своду афоризмов. В этом предисловии автор говорит о принципах составления своего календаря, о задачах, которые он решает, и о цели его написания: Толстой желает «дать большому числу читателей доступный им ежедневный круг чтения», то есть очевидна ориентация писателя не на узкоспециализированную группу читателей, а на широкую аудиторию. Кроме того, предисловие могло служить способом обращения к читателю – безличные календари разбирались массово, предисловие же – это способ заинтересовать читателя именно той проблематикой, которая содержится в данном календаре. «Круг чтения» роднит с календарями принцип **компиляции текстов разных жанров** – от афоризмов к фикциональным текстам. В своде мудрых мыслей мы встречаем афоризмы, изречения, рассказы, стихотворения, отрывки из публицистических и религиозных текстов и др. В календарях мы также можем обнаружить черты разных жанров – в разных типах

календаря встречаются и биографии, и мудрые мысли, и рассказы и др. В случае стандартного календаря обилие жанров обусловлено, по-видимому, желанием составителя охватить как можно больше областей современной жизни и дать о каждой из них некоторое представление. Что касается «Круга чтения», то он не несет буквально информативной и просветительской функции. Толстой показывает, что говорить об истине можно разными способами – и высказываниями, и полноценными текстами, и выдержками из них, и малочисленными стихотворениями. Наконец, календарь предлагал читателю **ориентир** для планирования своей жизни. Перечисление неприсутственных дней, коммерческие и юридические сведения, карты железных дорог и стоимость проезда, святцы и другие религиозные сведения – всё это пригождалось человеку в его повседневной жизни. Календарь фиксировал сведения, имевшие прикладное значение, о которых человек мог забыть и которые не всегда был обязан помнить. Подобным образом и «Круг чтения» служит читателю напоминанием о другой стороне жизни – этической, о которой человек мог в суете дней забыть так же, как он забывает о стоимости гербовой бумаги. В этом контексте материальная и духовная жизнь оказываются уравненными в своей прагматике.

Параграф 1.1.2. посвящен анализу календаря как особого способа репрезентации времени. И.А. Паперно в своей монографии указывает, что проблема темпоральности тревожила Толстого на протяжении всей жизни с того момента, когда он понял, что не может зафиксировать в тексте прошедший день (см. «История вчерашнего дня»), поскольку время постоянно расширяется и выходит за пределы описываемого момента. Исследовательница указывает, что календарный круг делал время предсказуемым, то есть доступным и заранее известным: «Альманахи представляли собой вид дневника, не зависящего от условия “если буду жив”, поскольку каждый из них всегда проделывал полный годовой круг. Они преображали окружающую Толстого действительность в уютный и предсказуемый мир, в котором жизнь множества людей, наряду с его собственной, текла день за днем согласно предписанному в дневнике. В этом мире можно было прожить жизнь, которая уже была описана»². Такой же можно назвать и форму дневника, который не исключает дописывания, вычеркивания, планирования и проч., то есть является формой подвижной. Учитывая, что впервые календарь появляется в творчестве Толстого в 1886 году, когда он работает над календарем пословиц, можно предположить, что именно с этого периода форма не изменяющегося, бесконечного времени начинает всё более привлекать писателя. Это проявляется не только во множественных попытках создать своды, соединяющие пласты времени в единый поток и тем самым предотвращающие его

² Паперно И.А. «Если бы можно было рассказать себя...»: дневники Л.Н. Толстого // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 296-317.

текучесть («Мысли мудрых людей», «Круг чтения», сборники изречений), но и в часто используемых тогда Толстым жанрах легенды или сказки (иногда – притчи), время действия в которых носит условный характер («Это ты», «Ассирийский царь Ассархадон», «Три вопроса» и др.). Параллельно с календарями Толстой вновь возвращается к регулярному ведению дневника: можно предположить, что в позднем периоде творчества писатель либо открывает для себя новую форму времени, оттеняя его прежней – дневниковой, либо пытается их соединить – текучесть и статику.

Календарь позволил продемонстрировать один из важных принципов толстовской этики – важно не просто прийти к состоянию, в котором разумное благо выступает как естественный закон, но важно сохранить это состояние неизменным, не поддаваться искушению плотской или животной жизни (26; 280), приблизиться к резиньции, «которая является конечной целью и сокровенной сущностью всякой добродетели и святости, является освобождением от мира»³. Календарная форма в этом отношении становится вместилищем, способным сохранить вечные истины в первозданном и незамутненном виде и пронести их через многие годы. Календарь как собрание «правил» на каждый день напоминает человеку о необходимости постоянной внутренней деятельности, не привязанной к течению времени.

В этом же параграфе мы предложили три дихотомических принципа, которые, с одной стороны, проясняют, как в «Круге чтения» отразилось жизнепонимание Толстого, а с другой – указывают на причины, по которым писатель избрал календарную форму для репрезентации своих взглядов в позднем периоде творчества. Эти три принципа, соотносимые с областями жизни человека и общества, в равной степени проясняют причины появления толстовских календарей. Первая область – культурная, обусловленная взглядом Толстого на формирование сущности человека под влиянием внешних и внутренних факторов, вторая – биографическая, заключающая в себе наблюдения писателя о месте собственного «я» в среде других, ему подобных, наконец, третья – социальная, раскрывающая коммуникативную функцию «Круга чтения» и ориентированная на взаимодействие с аудиторией читателей.

В параграфе 1.2.3 мы показываем, как общая концепция времени, заложенная в «Круге чтения», отражается частным образом на отдельных текстах свода, а именно на «недельных чтениях»-притчах. Притча как текст реализовывала ту же идею универсальности не только путем заложенной в ней морали, восходящей к евангельским заповедям и потому общей для всех, но и путем отраженного в ней содержания, максимально абстрагированного

³ Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление. Т.1. Критика кантовской философии. М., 1993. С. 275.

от конкретных категорий пространства и времени. Так, на примере легенды «Большая Медведица (Ковш)» мы демонстрируем, в каком направлении Толстой правил чужие тексты и какие причины побудили его обратиться к ним. Писатель редуцирует религиозные мотивы в легенде, тем самым устраняя ранее содержащиеся в ней намеки на протестантскую этику, а также упрощает содержание текста, прежде наполненного бытовой конкретикой.

Вторая глава представляет собой анализ структурной и концептуальной связи «Круга чтения» с другими текстами – «Соединением и переводом четырех евангелий» (1882), «Азбукой» (1872), «Новой азбукой» (1874-1875) и «Книгами для чтения» (1875, 1885). Как мы полагаем, «Соединение Евангелий» явилось одним из прямых предшественников «Круга чтения». О том, что Евангелие, как и свод мудрых мыслей, отсылает к истинному учению, организованному «по кругу», свидетельствует следующее утверждение Толстого: «Соединение Евангелий на этом основании имеет ту выгоду, что учение истинное представляет как бы *круг* <Курсив наш. – А.Т.>⁴, которого все части одинаково определяют значение друг друга и для изучения которого безразлично начинание изучения с одного или другого места. Изучая таким образом Евангелия, в которых с учением так тесно связаны исторические события жизни Христа, для меня историческая последовательность оказалась совершенно безразличною, и для последовательности исторических событий мне было всё равно избрать за основу тот или другой свод Евангелий» (24; 19)⁵. Возможно, Толстой со временем осознал несовершенство формы, использованной им в его Евангелии, и решил обратиться к жанру, который смог бы идеально соответствовать его жизнепониманию. Метафорой этого жизнепонимания становится круг, то есть равная во всех своих элементах форма. И хотя цикличная форма предполагает системность прочтения текста, все же в «Круге чтения» афоризмы и недельные чтения можно читать и в произвольном порядке, кроме того «Круг чтения» задает если не последовательность, то угол зрения — этический, под которым следует читать все тексты. Важен не порядок чтения, а факт чтения.

Статус чтения как самостоятельной ценности с назидательной или поучительной целью был утвержден Толстым задолго до «Круга чтения» – в «Азбуке», «Новой азбуке» и «Книгах для чтения» в четырех частях. Важно, что и «Азбука», и «Круг чтения» – полижанровые тексты, для каждого из них Толстой проработал большое количество

⁴ Об этом смотри также: *Гродецкая А.Г.* Ответы предания: жития святых в духовном поиске Льва Толстого. СПб., 2000. С. 9, 12

⁵ В том же 1890 г., 12 декабря, Толстой писал И.Б. Файнерману относительно вариантов евангельских текстов: «Не увлекайтесь вы этими вариантами. Я это испытал, — это скользкий путь. Смысл каждого места — во всем Евангелии, и кто не может понять смысла отдельного места сообразно всему духу его, — того ничем не убедишь» (65; 202).

источников. Можно также сказать, что «Азбука» является начальным этапом одного большого замысла, завершающегося «Кругом чтения», и доказательством этого является аналогия между наполняемостью двух сборников. Так, афоризмы и мудрые мысли по объему могут быть уподоблены коротким народным рассказам для чтения в несколько предложений. Один рассказ в день прочитывается точно так же, как и приуроченное ко дню собрание афоризмов – это развивает практику чтения в случае «Азбуки» и развивает навык нравственного поведения в случае «Круга чтения». Выдержки из религиозных книг в «Азбуке» – аналог «недельных чтений». В «Азбуке» «Несторову летопись» сопровождается руководством к чтению, так же как к «Душечке» Чехова Толстой прилагает послесловие, где говорит о том, как правильно прочитывать этот рассказ. К другому типу пояснения стоит отнести публицистические тексты, которые стоят в паре с сюжетными «недельными чтениями» и углубляют смысл первых. Все это можно прочитывать как аналогии, свидетельствующие о том, что структура «Круга чтения» восходит не только к календарной, шире – культурной традиции, но и к собственно литературной биографии писателя. Наконец, и в «Азбуке», и в «Круге чтения», как и в других текстах Толстого, мы встречаем вопрос-ответную форму изложения. В этой форме христианского катехизиса, которой Толстой пользовался при создании своей вероучительной литературы, лежит еще один ключ к пониманию свода афоризмов и «недельных чтений», а именно – свободный выбор читателя, который не только следует за автором, но и сам для себя определяет, какой способ приближения к истине для него ближе. Мы обнаружили, что эти способы восходят к принципу «дублетности», по которому Толстой подбирал некоторые рассказы для «Круга чтения». К «дублетным сюжетам» и отсылает второй параграф второй главы настоящей работы.

Используя структурный подход к анализу сюжетов и мотивов, мы показали, что в четырнадцати «недельных чтениях» из тридцати двух прослеживается одна и та же закономерность, которую мы назвали «бинарной структурой» и выявление которой становится возможным при сопоставительном анализе их сюжетов. Такая форма позволяет углубить понимание «Круга чтения» как текста гибридного, вмещающего в себя подчас взаимоисключающие афоризмы и сюжеты. Изучив репертуар тем всех художественных «недельных чтений», мы выявили наиболее частотные и назвали их **«этическими ситуациями»**, которые больше всего занимают Толстого и которые обязательно коррелируют с Евангелием. Каждая этическая ситуация иллюстрируется двумя или тремя примерами-нарративами. Их мы назвали **микросюжетами**, или дублетными сюжетами, поскольку они представляют разные, альтернативные сценарии решения одной и той же «этической ситуации».

Поскольку сборник изречений мыслился Толстым как назидательный текст, то и недельные чтения содержат мораль, но подается она нарративно. У каждого текста с позитивным финалом имеется текст-«двойник/дублет» с негативным. Положительный финал зависит от возможности героя поступать по универсальным, общечеловеческим законам, влияние которых преобразующим образом сказывается не только на самом герое, но и на окружающих его персонажах. Мы полагаем, что Толстой посредством текстов-двойников смягчает идеологический напор в отношении читателя, которому адресованы как афоризмы, так и «недельные чтения». В пределах «Круга чтения» писатель предоставляет читателю выбор из двух возможностей поведения в той или иной этической ситуации. Потенциальный (идеальный) читатель книги при сквозном ее прочтении, очевидно, должен был заметить тематические переклички между дублетными сюжетами, которые были разнесены по разным неделям. Обнаружив общность ситуации, читатель мог следить за альтернативным развитием сюжета и наблюдать, как герой разными путями – с большими или меньшими потерями, с катастрофическим финалом или без него – приходит к постижению христианской, шире – общечеловеческой морали как единственно приемлемой в условиях несправедливой жизни. При этом сама мораль в готовом виде читателю не дана, поскольку она «запакована» в художественные тексты (а не только афоризмы), пусть и достаточно однозначные, но все же требующие от читателя навыков интерпретации авторской позиции. И хотя Толстой позиционирует собственную мораль как единственно верную, он инсценирует перед читателем ситуацию морального выбора – на уровне бинарных нарративов пытается показать, какая из стратегий поведения предпочтительнее и каковы последствия выбора героев того или иного пути.

Параграф 2.3 отсылает к циклической структуре недельных чтений авторства самого Толстого. Здесь мы анализируем следующие тексты: «Молитва», «Корней Васильев», «Ягоды», «Свободный человек», «За что?», «Божеское и человеческое». В «Исповеди» Толстой подчеркивал, что его приближение к истине сопровождалось постоянными переходами от радости постижения смысла жизни к разочарованию в ней: «Не два, не три раза, а десятки, сотни раз приходил я в эти положения – то радости и оживления, то опять отчаяния и сознания невозможности жизни <...> "Но понятие моё о Боге, о том, которого я ищу? – спросил я себя. – Понятие-то это откуда взялось?" И опять при этой мысли во мне поднялись радостные волны жизни. Всё вокруг меня ожило, получило смысл. Но радость моя продолжалась недолго <...> И опять всё стало умирать вокруг меня и во мне, и мне опять захотелось убить себя. Но тут я оглянулся на самого себя, на то, что происходило во мне; и я вспомнил все эти сотни раз происходившие во мне умирания и оживления. "Живи, отыскивая Бога, и тогда не будет жизни без Бога". И сильнее чем когда-нибудь всё

осветилось во мне и вокруг меня, и свет этот уже не покидал меня» (23; 45-46). Эти переходы в жизни Толстого были циклическими, о чем он сам сообщает читателю, поэтому и их можно назвать «кругами» поиска писателя. Подобные стадии свойственны и главным героям толстовских рассказов, помещенных в «Круг чтения». В конечном итоге путем такой структуры эмоционального переживания, приводящего к переосмыслению жизни, Толстой «удлиняет» мгновение (вопреки концепции М.М. Бахтина, согласно которой Толстой не придавал мгновению должной значимости), то есть заполняет его пересказом мыслей и чувств героя, что в свою очередь необходимо для его дальнейшей внутренней «регенерации» после произошедшей трагедии. Именно последняя и обуславливает перерождение персонажа.

В **третьей главе** мы выявляем особенности поэтики «недельных чтений» авторства других писателей – А.П. Чехова, Г. де Мопассана, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, В. Гюго и А. Франса – через соотношение в этих текстах и позднем творчестве Толстого категорий сознательного и бессознательного. Бессознательное, по Толстому, – это не только животное начало в человеке, которое побуждает его жить ради страстей, но и врожденное нравственное чувство, свойственное многим положительным героям его произведений (Наташа Ростова, княжна Марья, Платон Каратаев и др.). Сознательность – удел тех людей, которые, будучи частью общества, согрешили или стояли на пути греха, но под влиянием веры осмыслили свою неправоту и приобщились к истине (князь Андрей, Иван Ильич). Эта оппозиция особенно часто встречается в позднем творчестве писателя. Но именно в позднем творчестве Толстой перестает делить путь веры героя на сознательный и бессознательный, соединяя их в один. В таком случае можно говорить о том, что именно в этом периоде Толстой, заметив противоречие в собственной трактовке веры, решил снять его посредством художественных текстов. Герои, прошедшие сознательную стадию жизни и впоследствии перешедшие в бессознательную, уже органичную для них, и будут представлять собой тот пример «разумения жизни», к которому призывал Толстой. Этот принцип маркирует дальнейший путь героев Толстого. Это тем более существенно, что прежде «обратившиеся» герои Толстого, например, Андрей Болконский, Анна Каренина, Иван Ильич, познав истину, умирали. В 80-90-е годы, когда окончательно оформилось учение Толстого, он делает установку на результат веры, когда добро не только освещает путь самому человеку, но и оказывает влияние на другого, тем самым убеждая первого в «вечном усилении жизни». Герою, чтобы познать в себе божественную истину, недостаточно «обратиться» самому, следует «обращать» других, что в данном случае равно совершению благого дела – основополагающего действия на пути к вере, по Толстому. По нашим наблюдениям, тексты этого периода имеют либо открытый финал, в котором герой

остается с тем осознанием, которого достиг (Нехлюдов, отец Сергей, «Это ты», «После бала»), либо финал со смертью героя, маркирующей конец сюжета (Хаджи-Мурат, Федя Протасов и др.). И только лишь в 1903 году Толстой одновременно с рассказом «После бала» пишет три сказки («Ассирийский царь Асархадон», «Три вопроса» и «Труд, смерть, болезнь»), в которых герой не просто постигает истину, но и остается жить с ней для того, чтобы проповедовать ее окружающим.

Воздействие как важная составляющая «Круга чтения» и будет тем, благодаря чему в своде афоризмов и рассказов на каждый день стал возможен баланс «сознательного» и «бессознательного», а равная вовлеченность этих категорий в процесс психологического поведения персонажей становится открытием Толстого, которому наконец удалось соединить в равной степени и в одном тексте назидательность и сюжетность.

Таким образом, «бессознательное» позволяет героям Толстого приобщиться к истине, постичь ее сердцем; в свою очередь «сознательное» выступает как важный элемент распространения этой правды среди людей: воздействие же невозможно без интеллектуальной, то есть разумной составляющей, как и невозможно оно, по Толстому, без искренней веры в Бога.

В параграфах 3.1. и 3.2. мы демонстрируем, как принципы, изложенные выше, работают на «недельных чтениях», объединенных нами в две группы – описывающих специфику женского сознания и демонстрирующих ситуацию институционального или человеческого суда. Образцом «бессознательной» жизни, то есть «жизни сердца», для Толстого становится Душечка, героиня одноименного рассказа А.П. Чехова. Интерпретируя рассказ в соответствии с собственным непониманием, Толстой правит его, максимально «обезличивая» главную героиню, делая ее воплощением «универсальной» или всеобщей любви, доступной только женщине. Героиней, олицетворяющей оборотную сторону «бессознательного», является Франсуаза из рассказа «Сестры» по Мопассану. Сюжетную ситуацию «Сестер», основанную на инцесте между братом и сестрой, Толстой использует в полемических целях: писатель рассуждает об этическом потенциале искусства и его вседозволенности, апеллируя к репрезентации инцеста в операх Вагнера и к философии Ф. Ницше, с которыми и полемизирует. Стоит отметить и блок рассказов В. Гюго, ставящих вопрос о неправомерности суда как такового. В рассказе «Епископ Мириель», отрывке из романа «Отверженные», мы наблюдаем милосердный поступок епископа, простившего Жана Вальжана и предопределившего его духовное возрождение. Рассказ «Сила детства», напротив, показывает ситуацию человеческого заблуждения в отношении плененного представителя власти, спасение которого стало следствием сострадания разъяренной толпы к сыну обвиненного.

На примере анализа всех «недельных чтений» мы показали, как в «Круге чтения» Толстой пытается создать универсальную форму письма, рассчитанную на широкую аудиторию и вместе с тем соединяющую принципы фикционального (сюжетность) и нефикционального (дидактичность) текста. Он экспериментирует в этом направлении и пишет тексты, вошедшие в «Круг чтения» как самостоятельные рассказы. Часть текстов лишена дидактики и представляет объективное, на первый взгляд, повествование («За что?», «Ягоды», «Корней Васильев»). Таким образом, двигаясь от притчевого повествования (уже существующей формы), через свои и чужие тексты (разрабатывая в них дидактику и сюжетность), Толстой пытается отыскать новый тип нарратива – повествовательного формально, но дидактического по сути, с сохранением равноценности обоих элементов. До «Круга чтения» Толстой развивал такую форму путем включения в текст героя-идеолога, появляющегося в его творчестве с конца 80-х годов (идеолог, транслирующий и проговаривающий идею добра, а не воплощающий ее поведенчески). Можно предположить, что в «Круге чтения» Толстой продолжает поиски новой повествовательной формы – именно поэтому для «недельных чтений» он подбирает тексты, сюжетная ситуация в которых прочитывается неоднозначно и оттеняется текстом-дублетом, предлагающим иное сюжетное решение. Других механизмов соединения прозы и дидактики, как мы полагаем, Толстой обнаружить не смог. Но и эта форма не до конца удовлетворяла требованиям Толстого: множественность прочтения «этической ситуации», баланс «сознательного» и «бессознательного», зачастую лежащий в ее основе, в конечном счете размывали дидактику как таковую. Соединив жанры механически, приставив друг к другу афоризмы и рассказы, он возвращается к созданию текстов традиционного для него формата, о чем говорят, например, неоконченные и недоделанные произведения «Фальшивый купон», «Посмертные записки старца Федора Кузмича», «Алеша Горшок» и др. (феномен незаконченности можно в данном случае трактовать как невозможность для Толстого прийти к новой форме нарратива, нежелание самоповтора и возвращения к прежнему сугубо дидактическому письму, которое Толстой использовал как до «Круга чтения», так и в процессе работы над ним). Механическое соединение исключало риторическую однородность и провоцировало стилистическую шероховатость, в свою очередь работа лишь с фикциональными текстами обнаружила свою бесперспективность, поскольку приводила к сужению дидактического диапазона.

Но если «Круг чтения» не решил нарративных задач, стоявших перед Толстым во время его создания, то на многие сложные вопросы, которые преследовали писателя на протяжении всей творческой жизни и ключевым из которых является соотношение

сознательного и бессознательного, ему удалось ответить именно благодаря своду афоризмов и рассказов на каждый день.

В заключении мы формулируем основные выводы работы:

1) «Круг чтения» подвел итог многим размышлениям Толстого, среди которых – механизмы репрезентации личного времени. Толстой постигает время в его универсальности, которое теперь, регламентированное календарной формой, едино, как и истина, для всех. В этом также проявляется идея сопричастности – главная идея непонимания Толстого. Будучи уравненным с другими людьми в отношении ко времени, человек приобретает возможность творить разумное благо, без оглядки на неподконтрольные ему области, среди которых стоит упомянуть пространство и движение.

2) «Соединение и перевод четырех Евангелий» как прямой предшественник «Круга чтения» строится по принципу «круга» – всего его части равноправны: читая один фрагмент, в любой момент можно обратиться к предшествующему или последующему. То же мы наблюдаем и в своде – наполняющие его этические кластеры закреплены за определенным днем года, по этой причине переход в определенную временную точку – прошлое или будущее – не представляет труда. Однако для Толстого важной являлась не только временная закреплённость, но и сам факт ежедневного чтения. В этой связи отсылка к сборникам народных рассказов, «Азбукам» и «Книгам для чтения», кажется вполне оправданной. При обращении к последним уместен тот же принцип «избирательного» чтения – рассказы, наполняющие их, можно читать в произвольном порядке, понимание книги от этого не изменится. В «Круге чтения» Толстой соединяет идею универсального времени, восходящую к календарю, с идеей универсального чтения, берущей начало в народных рассказах, – такое соположение, как мы полагаем, привело писателя к открытию необходимого для него единства формы и содержания.

3) Ориентация «Круга чтения» на читателя проявляется и в акте свободного выбора не только текста для чтения, но и поведенческой модели, которая закреплена в этих текстах. Именно поэтому Толстой вводит в текст «дублетные сюжеты», представляющие собой разные решения одной и той же этической ситуации. И хотя приоритет остается за сюжетом, приводящим к пониманию евангельской заповеди с меньшими для героя потерями, такая установка на читателя становится важной попыткой Толстого преодолеть собственный ригоризм, то есть сравняться с читателем в праве субъективно воспринимать текст.

4) Не только притча как один из жанров «недельных чтений» становится репрезентацией взглядов писателя. Рассказы, написанные самим Толстым и вошедшие в «Круг чтения», также отражают его представления о времени, точнее – о течении жизни во времени. В этих текстах время циклично и стадияльно – герои, перед тем как приблизиться к вере через смирение и принятие, переживают эмоциональные потрясения — «омертвление» и «оживление», вызванные естественным сопротивлением сознания. Этот механизм постижения истины идентичен процессу, который мы наблюдаем в «Исповеди» и который маркирует религиозный путь самого писателя – таким образом, в «Круге чтения» Толстой предлагает героям действовать по схеме, открытой когда-то им самим.

5) Наконец, большую часть фикциональных «недельных чтений», психологизм в которых базируется на взаимодействии категорий «сознательного» и «бессознательного», следует воспринимать как эксперимент Толстого по обнаружению новой нарративной формы, пропорционально сочетающей в себе сюжетность и дидактичность. Как мы полагаем, работа над сводом показала, что баланс этих элементов, к которому Толстой стремился, оказался труднодостижимым. Лишь некоторые из «недельных чтений» можно считать максимально приближенными к замыслу Толстого, однако они принадлежат другим авторам, а исправления, внесенные в них писателем, так или иначе демонстрируют его тяготение к религиозно-этической системе ценностей и желание их утвердить.

Таким образом, календарная форма, структура и поэтика «Круга чтения» показывают, что свод мудрых мыслей как новый и по сути уникальный этап творчества Толстого, с одной стороны, обобщил длительные поиски писателя в области биографии, литературы и философии, а с другой — позволил подвести многие из них к завершению. В этом смысле восприятие «Круга чтения» как итогового текста Толстого, суммирующего результаты его творческого поиска, вполне обоснованно.

Апробация результатов исследования

Основные результаты исследования были представлены на российских и зарубежных конференциях в период с 2015 по 2018 гг.: «Международная конференция молодых филологов» (апрель, 2015, 2016; г. Тарту, Эстония), «Молодежная научная конференция школы филологии НИУ ВШЭ» (апрель, 2015; Москва), «Международный молодежный научно-образовательный фестиваль им. Л.Н. Толстого» (ноябрь-декабрь, 2016; Казань), Белые чтения (октябрь, 2016; Москва), «V Молодежная научная конференция «Текст – комментарий – интерпретация» (апрель, 2016, 2017; Москва), «"Разумное, доброе, вечное...": проблемы производства, сохранения и распространения культуры в России от

некрасовской эпохи до современности (усадьба, литература, музей)» (июнь, 2017; Ярославль), «XI Международная научная конференция "Лев Толстой и мировая литература" (август, 2018; Ясная Поляна, Тула), «Лев Толстой и пресса его времени» (ноябрь, 2018; Варшава, Польша).

По теме диссертации опубликовано 3 статьи в журналах:

1. Тулякова А.А. Толстой, Арцыбашев и Вагнер: об одном случае полемики в «Круге чтения» Л.Н. Толстого // Slověne. 2017. Т. 6. № 2. С. 444-455.

2. Тулякова А.А. Читатель на распутье: «дублетные сюжеты» в «Круге чтения» Л.Н. Толстого // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 39-44.

3. Тулякова А.А. Джон Рескин в «Круге чтения» Л. Толстого: о творческой истории легенды «Большая Медведица (Ковш)» // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. *(в печати)*.